

Селюнина О. А. Белое и черное в рассказе Бориса Акунина «Сигумо» / О. А. Селюнина // Научный диалог. — 2018. — № 2. — С. 149—158. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-2-149-158.

Selyunina, O. A. (2018). White and Black in “Sigumo” by Boris Akunin. *Nauchnyy dialog*, 2: 149-158. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-2-149-158. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 811.161.1'373.422+821.161.1Акунин.08

DOI: 10.24224/2227-1295-2018-2-149-158

Белое и черное в рассказе Бориса Акунина «Сигумо»

© Селюнина Ольга Анатольевна (2018), orcid.org/0000-0002-3215-6646, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии и журналистики, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема» (Биробиджан, Россия), bimaukaruss@mail.ru.

Представлены результаты анализа цветовой лексики в рассказе Бориса Акунина «Сигумо». Актуальность исследования обусловлена важностью категории «цвет» для человеческого миропонимания и индивидуальной авторской картины мира. В работе выполнен краткий обзор лингвистической литературы, посвященной изучению колоративной лексики. Автор исходит из того, что лексика со значением цвета в художественном произведении отражает своеобразие цветовой картины мира художника и, следовательно, является важной чертой целостной художественной картины мира. Новизна исследования заключается в выборе произведения для анализа. Материалом для исследования послужили факты употребления колоративной лексики в тексте рассказа Бориса Акунина «Сигумо». Цветовая лексика классифицирована по лексико-грамматическому признаку и по объекту номинации. Особое внимание уделяется колоративам, входящим в лексико-семантические группы «белый цвет» и «черный цвет», как наиболее значимым в цветовой картине изучаемого художественного произведения и наиболее частотным. Утверждается, что цветовой контраст является одним из доминантных принципов построения анализируемого художественного текста. Автор делает вывод о том, что Б. Акунин показывает, что четкой границы между черным и белым не существует так же, как не существует четкой границы между добром и злом, уродством и красотой, западным и восточным мирами.

Ключевые слова: колоратив; художественный текст; цветопись; лексико-семантическая группа.

1. Введение

Борис Акунин — один из самых популярных современных авторов. Оглушительная слава пришла к нему практически сразу после публикации первого романа, что само по себе скорее исключение, чем правило. Борис Акунин — постмодернист, поэтому он играет со словом и смыслом. Многие произведения Б. Акунина интертекстуальны, то есть формируются путем ссылки на другой текст.

В поле нашего зрения небольшое произведение «Сигумо», написанное Борисом Акуниным в духе произведений Санъютэю Энтё, о чем свидетельствует посвящение в сборнике Б. Акунина «Нефритовые четки», который и открывается анализируемым нами рассказом. Следует отметить, что отсылка рассказа «Сигумо» к произведениям Санъютэю Энтё для русского читателя менее очевидна, по сравнению с отсылками к другим, более популярным в России писателям, например, таким, как Эдгар Аллан По, Жорж Сименон, Артур Конан Дойль, Агата Кристи, Вашингтон Ирвинг, Умберто Эко и Морис Леблан, произведения которых послужили текстом-фундаментом для рассказов и повестей цикла «Нефритовые четки». Причина этого заключается в том, что российские читатели мало знакомы с творчеством Санъютэю Энтё. Думается, что именно рассказ Б. Акунина привлек их внимание к творчеству этого японского писателя и, вероятно, даже побудил прочитать повесть «Пионовый фонарь», переведенную на русский язык.

Место действия рассказа «Сигумо» — Япония, время — конец XIX века. «Сигумо» — это мистический детектив: главный герой произведения, Эраст Фандорин, расследует загадочную смерть бывшего русского чиновника, которую связывают с демоном Сигумо.

Объектом нашего рассмотрения являются лексические единицы со значением цвета в рассказе Бориса Акунина «Сигумо».

Цель исследования — проанализировать особенности функционирования цветовой лексики в рассказе «Сигумо».

Актуальность работы обусловлена все возрастающим интересом к цветописью художественных произведений, поскольку этот художественный прием позволяет автору очень тонко передать состояние души героев, раскрыть его мироощущение.

Лингвисты активно исследовали и исследуют цветовые обозначения. Их интересуют различные аспекты изучения цвета: этимологический аспект [Бахтина, 1975], психологический [Фрумкина, 1984; Rosch, 1975]; гендерный [Simpson, 1991], лингвокультурологический [Вежбицкая, 1997], семантический [Волкова, 2013; Шеховцова, 2003]. Большое количество ра-

бот посвящено функционированию цветообозначений в художественном тексте, см., например [Гусакова, 2014; Иванова, 2007; Климовских, 2010; Кудря, 2015; Ольхова, 2014; Смирнова, 2016] и мн. др.

Новизна нашего исследования определяется тем, что цветовая лексика на материале рассказа Б. Акунина «Сигумо» ранее не изучалась.

2. Состав цветовой лексики в рассказе Б. Акунина «Сигумо»

Рассказ «Сигумо» — это очень небольшое по объему произведение, и цветообозначений в нем сравнительно немного, а цветовая палитра рассказа довольно скудна. Можно отметить две наиболее значительные (как по частотности употребления, так и в смысловом плане) для рассказа лексико-семантические группы (далее — ЛСГ): ЛСГ «белый цвет» (19 употреблений), ЛСГ «черный цвет» (19 употреблений).

Для передачи цветовой палитры в рассказе «Сигумо» Б. Акунин использует слова разных частей речи. Самым распространенным средством обозначения цвета являются прилагательные, их 16: *белый, черный, красный, коричневый, желтоватый, желтый, белоснежный, голубоглазый, седой, пегий, серебряный, серебристый, румяный, траурный, бледный, бледноватый*. Реже встречаются «цветовые» слова других частей речи: существительные (*темнота, чернота, ворон, сумрак, тень, серебро*) и субстантиват (*белое*), глаголы и отглагольные дериваты (*покраснеть, покраснев, выцветший*).

3. Цветообозначения ЛСГ белого и черного цвета

Белый и черный — это ахроматические цвета, то есть цвета, лишённые цветового тона.

Белое — это то, что отдаёт (отражает) световую энергию. Ядро ЛСГ «белый цвет» представлено лексемой *белый*. В центр ЛСГ входит лексема *белое*. В качестве ближней периферии рассматриваем лексемы, трактовка которых возможна через сему 'белый': *белоснежный* ('белый как снег'), *серебристый* ('блестяще-белый'), *седой* ('белый вследствие потери окраски (о волосах)'). Данные слова наиболее близки к центру. Они имеют интегральное, общее с ядром значение. Однако данные лексемы имеют дифференциальные семы, разграничивающие их с ядерной лексемой и друг с другом. Дальнюю периферию составляют лексемы *бледный, бледноватый, выцветший, серебро*. Такие единицы могут иметь контекстуальное цветовое значение и находиться на границе с другими ЛСГ. Например: «нецветовое» слово *серебро*, имеющее прямое значение 'драгоценный блестящий металл серовато-белого цвета' и относящееся к ЛСГ «металл»,

приобретает в контексте переносное, цветовое значение: *Десять минут спустя над бамбуковой оградой взметнулась белая, посверкивающая се-ребром фигура.*

Белый цвет дает представление о совокупности светлых цветов, поэтому в дальнюю периферию ЛСГ «белого цвета» включаются и слова типа *бледный, бледноватый*, поскольку имеют сему ‘слабоокрашенный’. По этой же причине сюда мы отнесли причастие *выцветший*, трактуя значение это слова как ‘потерявший цвет, яркость окраски’.

Анализируемый материал дает возможность выделить следующие функциональные группы белого цвета:

- а) для описания цвета одежды: *белое кимоно, белоснежное кимоно*;
- б) для обозначения цвета предметов и окружающей среды: *белый песок*;
- в) для характеристики персонажей (цвета глаз, частей тела, психоэмоционального состояния человека): *белые зубки; ее бледное лицо сделалось еще белей*; *Пробор на опущенной голове Сатоко казался неестественно белым. Фандорин даже наклонился, чтобы рассмотреть его получше, и увидел, что волосы крашенные — у корней они были совсем седые*;
- г) для номинации лиц, принадлежащей к европейской расе: *белая раса*;
- д) для номинации мира (эпитет в устойчивой формуле): *белый свет*.

ЛСГ со значением черного цвета тоже достаточно активно используется Б. Акуниным в рассказе «Сигумо». Черное — это то, что забирает (поглощает) световую энергию полностью или почти полностью, или же то, что лишено освещения. Ядро этой ЛСГ — лексема *черный* (она употребляется 12 раз). В центр ЛСГ входит лексема *чернота*. Периферия представлена лексемами *траурный, ворон, темнота, тьма, мрак, сумрак, тень*.

Прилагательное *траурный*, производное от существительного *траур*, в тексте рассказа употреблено в значении ‘черный’: *Все японцы были в белом, и коллежский асессор в своем траурном сюртуке выделялся, будто ворон среди голубиной стаи*. Цветовое значение имеет и употребленное в этом же контексте слово *ворон*, актуализирующее здесь сему ‘с черным оперением’.

Слова *темнота, тьма, мрак, сумрак, тень* мы относим к крайней периферии ЛСГ «черный цвет» на том основании, что они называют предметы, лишенные (или почти лишенные) освещения, темные, черные. Все они являются членами ЛСГ «тьма» и могут быть противопоставлены членам ЛСГ «свет» типа *светлый, светло, просветление*.

Лексемы этой ЛСГ используются для характеристики обозначенных ими предметов и явлений:

а) для описания цвета одежды: **черная ряса, траурный сюртук, черное одеяние, черный облегающий наряд**;

б) для номинации объектов окружающего мира, природы: **черный паучище, снаружи светила луна, и по доскам колыхались причудливые черные пятна — это покачивались деревья в саду под дуновением ветра**;

в) для номинации мистического объекта — демона Сигумо: **черный комок или сгусток, огромный черный паук, монах в черной рясе, черный шар, тень**.

Белый цвет находится в состоянии антагонистической противоположности к черному цвету. Белый и черный «можно считать антонимами, принимая во внимание существование шкалы постепенного перехода от белого к черному. В данном случае — это два полярных цвета» [Волкова, 2013, с. 60]. В речи *белое* и *чёрное* — это универсальная модель антонимов, с ее помощью можно оперировать понятиями, имеющими противоположные значения, характеристики. Более того, *белое* и *чёрное*, по сути, противопоставлены не только друг другу, но и другим цветам. И даже если исключить сам термин *антоним*, то все равно это противопоставление останется, но, возможно, будет номинировано иначе, например, В. Горчица [Горчица, 2003] в этом случае прибегает к термину *разность*.

4. Цветовой контраст как принцип построения художественного текста

Рассмотрев колоративы в рассказе «Сигумо», мы пришли к выводу, что весь рассказ построен на цветовом контрасте. Это, в первую очередь, контраст белого и черного, но не только. Рассмотрим противопоставления, в основе которых лежит цветовой контраст, подробнее.

1. Противопоставление японцев и гайдзинов. Гайдзин (外人) — это сокращение от слова «гайкокудзин» (外国人), которое используется японцами для номинации людей из другой страны в значении ‘иностранец’, ‘чужак’ [БСЯЯ]. Противопоставление японцев и гайдзинов в рассказе «Сигумо» строится на основании различия:

а) в цвете траурной одежды: у европейцев траурная одежда черная (это символ скорби), у японцев траурная одежда белого цвета (это символ света, возможность видеть, жизнь после жизни). Ср.: *Все японцы были в белом, и коллежский асессор (Фандорин) в своем траурном сюртуке выделялся, будто ворон среди голубиной стаи* (контраст «черное — белое»);

б) в физиологической реакции на какие-либо события: «Тут одноногий совершил поступок, заставивший вице-консула и вовсе **покраснеть** от стыда — уже не за себя, а за всю европейскую расу <...> Вдова же дер-

нулась, как от удара, и ее *бледное* лицо сделалось еще *белей*» (контраст «красное – белое»);

в) в принадлежности к монголоидной и европеоидной расе: если внешность японцев преимущественно описывается с помощью лексем *белый* и *бледный* (например: *...никакой скорби его (служки. — С. О.) бледная, слегка приплюснутая физиономия не выражала*)), то гайдзины имеют другие черты, в некотором смысле более выразительные, яркие. Смотритель иностранного кладбища описан так: *Красная, поросшая пегой щетиной рожа дергалась нервным тиком; плюнул он коричневой табачной слюной, а Фандорин в глазах настоятеля монастыря голубоглазый дылда*.

Однако европейцы тоже охарактеризованы с помощью лексем, входящих в ЛСГ «белого цвета», — по расовой принадлежности: *...этот субъект (Мэйтан. — С. О.) изменил своей вере, своему отечеству и всей белой расе*.

Интересно, что для противопоставления японцев европейцам («желтая раса — белая раса») не задействована ЛСГ «желтый цвет». Напротив, цветочное прилагательное *желтоватый*, описывающее цвет волос, используется в рассказе для указания на европейские корни: у Акико, рожденной от брака европейца и японки, некрасивые *желтоватые паклевидные волосы*.

Несмотря на то что европейцы — белая раса, они, по мнению японцев, не могут быть белыми в высшем, божественном смысле. Так, стремясь преобразиться, перенять чужую культуру, достичь просветления, европеец, убийство которого расследует Фандорин, не только взял фамилию жены (он был женат на японке), но и имя *Мэйтан*, которое означает «Взыскующий Просветления». Однако один из персонажей рассказа (карлица Эми) охарактеризовал Мэйтана так: *Душа у него была неяпонская. Нипочем ему было не достичь просветления*.

2. Противопоставление убийцы и жертвы. Характеристика жертвы включает номинацию *белый*: *...я заметил, что Мэйтан белого цвета; такими белыми не бывают даже гайдзины!*, — в то время как убийца (им оказалась его жена Сатоко) изображен посредством упоминания *черного*: *Я попятился и споткнулся об оку-сан. Она лежала в высокой траве и была в черном кимоно, поэтому я ее сразу не разглядел; женщина в черном кимоно носила ведро*.

3. Противопоставление добра и зла. Мы уже знаем, что убийца, совершивший зло, охарактеризован лексемой *черный*, а убитый — лексемой *белый*. Но Фандорин выясняет, что убийство мужа женой было совершено из-за материнской любви к калеке-дочери, от которой Мэйтан (ее отец) хотел избавиться. Именно Мэйтан — единственный негативный персонаж

рассказа (так белое оказалось черным), и он понес кару за намерение отказать от своего ребенка-калеки. Получается, что убитый намеревался стать Буддой при жизни, но, по меткому высказыванию убийцы, *человек, который хотел, но не мог стать буддой, становится дьяволом*. Именно благодаря такому мотиву убийства в характеристике Сатоко появляется белый цвет. Он виден не сразу, только если присмотреться. Ср.: *Пробор на опущенной голове Сатоко казался неестественно белым. Фандорин даже наклонился, чтобы рассмотреть его получше, и увидел, что волосы крашенные — у корней они совсем седые*. Выходит, что преступление совершено против зла, из благих побуждений: героиня защищает своего ребенка, который в противном случае «сгинет в приюте». К тому же Сатоко оказывается неспособной на убийство Фандорина, потому что он не сделал ей зла. Поняв мотив убийства, Фандорин решает, что женщина должна избежать наказания.

5. Выводы

Итак, можно сделать следующие выводы.

Борис Акунин использует цветовую лексику в эстетической функции.

Скудость цветовой палитры не означает, что столь же скудно «цветовидение» писателя. Стиль Бориса Акунина в целом тяготеет к простоте и лаконичности, поэтому употребление цветообозначений отражает принципиальную неусложненность.

Цветовыми доминантами в рассказе «Сигумо» являются лексемы со значением ‘белый’ и ‘черный’.

Одна из важных характеристик художественного мироощущения Акунина — видение мира в оппозициях — находит выражение в рамках рассказа в использовании контрастной цветовой лексики.

С помощью цветовой лексики Борис Акунин показывает, что на самом деле никакой четкой границы между черным и белым не существует. Черное может перетекать в белое, а белое в черное, как в знаке инь-ян. Отделить одно от другого невозможно, поскольку они тесно переплетены.

Источники и принятые сокращения

1. БСЯЯ — *Большой словарь японского языка* (大日本語辞典) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://e-lib.ua/dic/>.

Литература

1. Бахтина Н. Б. История цветообозначений в русском языке / Н. Б. Бахтина. — Москва : Наука, 1975. — 288 с.

2. *Вежицкая А.* Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия / А. Вежицкая // Язык. Культура. Познание. — Москва : Русские словари, 1997. — С. 231—290.
3. *Волкова М. Г.* Способы пополнения лексико-семантической группы цвета в разноструктурных языках / М. Г. Волкова // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2013. — № 3 (131). — С. 57—60.
4. *Горчица В.* Профиль белого и черного в поэзии Марины Цветаевой / В. Горчица. — Русский язык за рубежом. — 2003. — № 2. — С. 82—90.
5. *Гусакова Т. Г.* Цветообозначения как средство художественного моделирования социальной самоидентификации: постановка проблемы / Т. Г. Гусакова // *Studia Linguistica*. — 2014. — № XXIII. — С. 244—252.
6. *Иванова Ю. В.* Цветообозначения в структуре поэтического текста и подходы к их исследованию / Ю. В. Иванова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2007. — Т. 22. — № 57. — С. 112—118.
7. *Климовских Ю. А.* Цветообозначения как способ семантической интерпретации психологических деталей в описании портрета в произведениях О. Уайльда / Ю. А. Климовских // Наука. Инновации. Технологии. — 2010. — № 3. — С. 108—112.
8. *Кудря О. А.* Вторичные цветообозначения в словаре и художественном тексте : на материале английского и украинского языков: диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / О. А. Кудря. — Москва, 2015. — 215 с
9. *Ольхова О. Н.* Функциональные особенности колоратива «белый» в современной женской прозе / О. Н. Ольхова // Приволжский научный вестник. — 2014. — № 9 (37). — С. 81—83.
10. *Смирнова Г. В.* Особенности употребления цветообозначения «черный» в произведениях В. П. Астафьева / Г. В. Смирнова // Человек и язык в коммуникативном пространстве : сборник научных статей. — 2016. — Т. 7. — № 7. — С. 93—97.
11. *Фрумкина Р. М.* Цвет, смысл, сходство : аспекты психолингвистического анализа / Р. М. Фрумкина. — Москва : Наука, 1984. — 156 с.
12. *Шеховцова Е. А.* Формирование символической семантики цветообозначений : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.15 / Е. А. Шеховцова. — Донецк, 2003. — 21 с.
13. *Яворская Г. М.* Языковые концепты цвета (к проблеме классификации) / Г. М. Яворская // Вопросы языкознания. — 1998. — № 2. — С. 42—50.
14. *Rosch E.* The nature of mental codes for color categories / E. Rosch // *Journal of experimental psychology : Human perception and performance*. — 1975. — Vol. 1. — Pp. 303—322.
15. *Simpson J.* Sex- and age-related differences in colour vocabulary / J. Simpson // *Language and speech*. — 1991. — Vol. 34. — Pp. 57—62.

White and Black in “Sigumo” by Boris Akunin

© Selyunina Olga Anatolyevna (2018), orcid.org/0000-0002-3215-6646, PhD in Philology, associate professor, Department of Philology and Journalism, Amur State University named after Sholom Aleichem (Birobidzhan, Russia), birnaukaruss@mail.ru.

The results of analysis of colour vocabulary in the story by Boris Akunin “Sigumo” are presented. The relevance of the study is due to the importance of the category of “colour” for the human worldview and individual author’s picture of the world. The paper provides a brief overview of linguistic literature devoted to the study of colour vocabulary. The author proceeds from the fact that the vocabulary with the meaning of colour in an art work reflects the originality of the colour picture of the artist’s world and, therefore, is an important feature of the holistic artistic picture of the world. The novelty of the research lies in the choice of the product for analysis. The facts of using colour vocabulary in the text of the story by Boris Akunin “Sigumo” are the material for the study. Colour vocabulary is classified by lexical-grammatical feature and by the nomination object. Special attention is paid to colour lexis within the lexical-semantic group of “white” and “black colour” as the most important and most frequent in the colour pattern of the studied art work. It is argued that colour contrast is one of the dominant principles of constructing the analyzed literary text. The author concludes that B. Akunin shows that clear boundaries between black and white does not exist in the same way as there is no clear boundary between good and evil, ugliness and beauty, the Western and Eastern worlds.

Key words: colour adjective; art text; colour description; lexical-semantic group.

References

- Bakhtina, N. B. 1975. *Istoriya tsvetooboznacheniy v russkom yazyke*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- BSYaYa — *Bolshoy slovar’ yaponskogo yazyka*. Available at: <http://e-lib.ua/dic/>. (In Russ.).
- Frumkina, R. M. 1984. *Tsvet, smysl, skhodstvo: aspekty psikhologicheskogo analiza*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Gorchitsa, V. 2003. Profil belogo i chernogo v poezii Mariny Tsvetaevoy. *Russkiy yazyk za rubezhom*, 2: 82—90. (In Russ.).
- Gusakova, T. G. 2014. Tsvetooboznacheniya kak sredstvo khudozhestvennogo modelirovaniya sotsialnoy samoidentifikatsii: postanovka problem. *Studia Linguistica*, XXIII: 244—252. (In Russ.).
- Ivanova, Yu. V. 2007. Tsvetooboznacheniya v strukture poeticheskogo teksta i podkhody k ikh issledovaniyu. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*, 22 (57): 112—118. (In Russ.).
- Klimovskikh, Yu. A. 2010. Tsvetooboznacheniya kak sposob semanticheskoy interpretatsii psikhologicheskikh detaley v opisani portreta v proizvedeniyakh O. Uaylda. *Nauka. Innovatsii. Tekhnologii*, 3: 108—112. (In Russ.).
- Kudrya, O. A. 2015. *Vtorichnyye tsvetooboznacheniya v slovare i khudozhestvennom tekste: na materiale angliyskogo i ukrainskogo yazykov: dissertatsiya... kandidata filologicheskikh nauk*. Moskva. (In Russ.).

- Olkhova, O. N. 2014. Funktsionalnyye osobennosti kolorativa «belyy» v sovremennoy zhenskoy proze. *Privolzhskiy nauchnyy vestnik*, 9 (37): 81—83. (In Russ.).
- Rosch, E. 1975. The nature of mental codes for color categories. *Journal of experimental psychology: Human perception and performance*, 1: 303—322.
- Shekhovtsova, E. A. 2003. *Formirovaniye simvolicheskoy semantiki tsvetooboznacheniy: avtoreferat dissertatsii... kandidata filologicheskikh nauk*. Donetsk. (In Russ.).
- Simpson, J. 1991. Sex- and age-related differences in colour vocabulary. *Language and speech*, 34: 57—62.
- Smirnova, G. V. 2016. Osobennosti upotrebleniya tsvetooboznacheniya «chernyy» v proizvedeniyakh V. P. Astafyeva. *Chelovek i yazyk v kommunikativnom prostranstve: sbornik nauchnykh statey*, 7 (7): 93—97. (In Russ.).
- Vezhbitskaya, A. 1997. Oboznacheniya tsveta i universalii zritel'nogo vospriyatiya. In: *Yazyk. Kultura. Poznaniye*. Moskva: Russkie slovari. 231—290. (In Russ.).
- Volkova, M. G. 2013. Sposoby popolneniya leksiko-semanticheskoy gruppy tsveta v raznostrukturnykh yazykakh. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 3 (131): 57—60. (In Russ.).
- Yavorskaya, G. M. 1998. Yazykovyye kontsepty tsveta (k probleme klassifikatsii). *Voprosy yazykoznaniya*, 2: 42—50. (In Russ.).